

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 10, Критика источников и форм

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

На прошлом занятии мы рассматривали герменевтику и библейскую интерпретацию, и мы будем рассматривать ее сегодня, вопросы, связанные с исторической критикой, и мы сказали, что герменевтика как логически, так и исторически проходит через три основные фазы. коммуникации, которая фокусируется на авторе, исторических вопросах и фоновых вопросах, которые создают текст, затем переходит к текстоцентрическим подходам, когда смысл находится в тексте, и, наконец, к читательцентричным подходам, где читатель является основным. отвечает за смысл и текст, а также за осмысление текста. Но мы рассматривали своего рода первый этап — исторические подходы, историческую критику. При этом мы сказали, что историческая критика является своего рода зонтиком, в который входит ряд типов исследований, таких как рассмотрение автора и исторического фона книги, первоначальных читателей и их обстоятельств, конкретных исторических ссылок в тексте, но мы также хотим рассмотреть и просто начать рассматривать три других подхода, которые подпадают и подпадают под подходы исторического типа, и первый из них — это критика источников, которую мы очень кратко представили на прошлой сессии, и мы сказали, что критика источников — это Методология, которая пытается проникнуть за текст и раскрыть письменные источники, документы, которые авторы использовали в своих сочинениях, и мы рассмотрели, в частности, один текст, главу 1 Луки, стихи с 1 по 4, где автор явно опирается на предыдущие источники, в некоторой степени письменные источники.

Мы отметили примеры в Ветхом Завете, где повествователи опираются и даже прямо указывают на свою опору на источники, на письменные источники, даже если эти источники уже недоступны. Но из-за этого критика источников

развивалась как попытка раскрыть или реконструировать возможные письменные источники, лежащие в основе документов Ветхого Нового Завета в том виде, в котором они есть у нас, и поэтому предполагается, что библейские авторы полагались на исторические источники и полагались на различные письменные источники. для собственного состава. Воспользоваться или привести пару примеров из Ветхого и Нового Завета в области критики источников, о том, как она развивалась и как она работает, а затем, возможно, сказать несколько вещей в порядке оценки метода.

Прежде всего, Ветхий Завет, мы уже рассматривали и уже упоминали Книгу Паралипоменон, например, когда обсуждали тот факт, что более поздние авторы Ветхого Завета иногда берут более ранние ветхозаветные писания и тексты, перетолковывают их и подтверждают их ценность. собственная читательская аудитория. Таким образом, Первая и Вторая Паралипоменон, кажется, берут в качестве источника материал из Первой и Второй Царств, хотя автор снова использует его в своих целях, но Первая и Вторая Паралипоменон, кажется, являются источником, на который опирается автор Первой и Второй Паралипоменон. для его собственного письма. Например, при сравнении использовать один текст, о котором мы тоже поговорим позже, но когда вы отмечаете Первую и Вторую Паралипоменон и связь также с другим документом или другой книгой, особенно Первой Паралипоменон и главой 17, начиная со стиха 10. Я возвещаю вам, что Господь построит вам дом.

Когда дни твои закончатся и ты воссоединишься со своими отцами, Я воздвигну тебе наследника твоего потомка, одного из твоих сыновей, и утвержу его царство. Он тот, кто построит мне дом, и я утвержу престол его навеки. Я буду его отцом, а он будет моим сыном.

Я никогда не отниму у него своей любви, как отнял ее у твоего предшественника. Я поставлю его над моим домом и моим королевством навеки. Его трон будет установлен навечно.

А затем стих 15 завершается словами: «Нафан пересказал Давиду все слова всего этого откровения». Вы, вероятно, узнали этот язык, который я только что прочитал из другого текста, и это глава 7 Второго Царства, где во Втором Царств 7, 14 и стихах, которые предшествуют этому Второму Царству 7, 14, является частью завета, который Бог заключает с Давид говорит через пророка Нафана. Но если вы вернетесь и прочитаете оба текста вместе, Вторую книгу Царств 7, а затем Первую книгу Паралипоменон 17, вы заметите, что формулировки во многих местах практически идентичны и очень похожи, так что, опять же, скорее всего, одна из книг выполняет функцию источник для другого.

У автора один из авторов использовал другого как источник для своего сочинения. Но мы снова возьмем этот текст для демонстрации, и это входит в один из других методов, известных как редакционная критика. Однако авторы, когда они используют свои источники, они используют их для своих целей и собственных намерений, и это более поздний метод, о котором мы поговорим, редакционная критика, задает вопрос, как автор воспринял источник? Как автор «Хроник» взял свои источники и теперь использовал их в своих целях и для своего намерения? Но дело здесь в том, чтобы продемонстрировать, что из-за сходства формулировок и даже содержания очевидно, что библейские авторы берут и используют более ранние источники, еще более ранние библейские источники, в своем собственном сочинении.

Возможно, классическим примером в изучении Ветхого Завета является повествование о творении в главах 1 и 2 Книги Бытия, и фактически его можно расширить, включив в него все Пятикнижие, первые пять книг Ветхого Завета.

Однако если рассматривать только один аспект первых пяти книг Ветхого Завета, Бытие 1 и 2, то Бытие 1 и 2 представляют собой повествование о двух разных повествованиях о творении, двух разных историях творения, и что интригует, так это то, что возвращение к - назад у вас были бы две истории, которые очень похожи, но в них также обнаруживаются явные различия. Например, в главах 1 и 2 некоторые ученые отметили разницу в стиле или в порядке записи различных частей творения.

Они также отметили разные имена, используемые для Бога в главах 1 и 2, и поэтому некоторые исследователи Ветхого Завета убеждены, что раньше, в период расцвета критики источников, а иногда и сегодня, это происходит. может выделить два отдельных источника, лежащих в основе Бытия 1 и 2, в разных повествованиях о сотворении мира, а затем более поздний автор взял эти два источника и теперь объединил их в своем собственном повествовании. Опять же, это понимание распространено на все Пятикнижие. Возможно, вы слышали об известной теории JEPD.

Эти буквы J, E, P и D предназначены для обозначения четырех отдельных источников, существующих во всем Пятикнижии, и, например, J — это имя Яхве, и, по-видимому, был автор, который писал, особенно используя имя Яхве, написавшего источник с определенной точки зрения, а буква D, например, обозначает деветерономическую перспективу, то есть кто-то, писавший с точки зрения Книги Второзакония, составил части Пятикнижия. Итак, исторически дело в том, что у вас есть четыре отдельных источника, написанных авторами, и, опять же, ученые обозначили их как источник J, источник E, источник D, а затем источник P, где P выражает точку зрения священника. например, и ученые были убеждены, что они могли бы выделить четыре отдельных источника, и они даже пошли дальше, датировали их и даже предоставили условия для первоначального состава этих источников, но теперь, гораздо позже, автор взял

эти четыре отдельных источника и соединил их вместе в окончательную форму, которую мы называем Пятикнижием. Моя цель состоит не в том, хотя я и не обязательно под этим подписываюсь, но в том, чтобы оценить это, но, очевидно, вы можете начать видеть некоторые вопросы, которые могут возникнуть, а именно, по каким критериям мы изолируем источники и Интересно, что некоторые критерии, которые предыдущие ученые использовали для выделения источников, используются другими для демонстрации единства текста.

Кроме того, иногда мне кажется, что попытка реконструировать гипотетическую дату и гипотетическое сообщество или ситуацию, породившую источник, и т. д. и т. п., граничит с спекуляцией, поэтому моя главная цель — просто продемонстрировать, насколько критика источника была используется при попытке выделить основные письменные источники, которые теперь подобрал более поздний автор. Опять же, иногда в таких книгах, как «Хроники», «Цари и Самуил», между документами действительно существует определенная связь. Похоже, одно служило источником другого.

Однако когда дело доходит до Пятикнижия, это более гипотетически. Никто не имеет доступа к существованию JEPRD, в отличие от того факта, что у нас есть Первый и Второй Цари, и у нас есть Самуил, и у нас есть Хроники, или у нас есть ссылки в Царствах автора, явно ссылающиеся на анналы царя Иудеи, или что-то вроде того. Но источниковедение сыграло роль в изучении Ветхого Завета, выделив, проанализировать и реконструировать основные источники текста Ветхого Завета.

Вы также можете начать видеть, что, какую бы большую ценность это ни имело, источниковая критика все же уступила место методу, о котором мы упоминали немного ранее, редакционной критике, которая больше фокусируется не

столько на реконструкции источников, сколько на том факте, с которым мы должны иметь дело. текст в том виде, в каком он у нас есть. У нас есть все Пятикнижие, и поэтому в конечном итоге нам придется иметь дело с этим текстом, а не просто с гипотетическими источниками, которые можно выделить или проанализировать и которые, похоже, теперь включены в окончательную композицию. В Новом Завете классическим примером критики источников, вероятно, являются синоптические евангелия, первые три Евангелия: от Матфея, Марка и Луки.

И причина этого очень похожа на ситуацию с Царствами и Паралипоменонами и Самуилом. В частности, первые три Евангелия, хотя Иоанн сильно различается по части содержащегося в них материала, формулировке и используемому языку, первые три Евангелия, от Матфея, Марка и Луки, по-видимому, указывают на некоторый тип отношений между три, как бы мы это ни объясняли. Итак, когда вы смотрите на Матфея, Марка и Луку, вы замечаете, что между записанными событиями жизни Христа и высказываниями и учениями Иисуса есть не только сходство по содержанию, но и то, что они происходят в примерно схожий порядок, иногда идентичный порядок, но даже помимо этого, когда начинаешь сравнивать Матфея, Марка и Луку, формулировки местами практически идентичны, и до такой степени, что если кто-нибудь из моих учеников напишет статьи, исследовательские работы, которые совпадают по порядку и формулировке в той же степени, что и синоптические евангелия, я подозреваю, что это какое-то сотрудничество и какое-то заимствование, которое один из учеников, должно быть, заимствовал у другого, или, возможно, они оба заимствовали из одного и того же документа, или аналогичная предыдущая исследовательская работа.

Приведу вам лишь один пример, а синоптические евангелия полны таких примеров: в 3-й, 7-й и 9-й главах Матфея, мы также сравним текст из 3-й главы

Матфея и 3-й главы Луки. В 3-й главе Евангелия от Матфея и стихах 7 я хочу прочитать с 7 по 10. Матфея 3, с 7 по 10: Но когда Он увидел многих из фарисеев и саддукеев, идущих к Нему, идущих туда, где Он был, Он, то есть Иисус, сказал: им: порождение змеиное, кто сказал вам бежать от грядущего гнева? Приносите плоды покаяния и не думайте, что вы можете сказать себе: « Наш отец — Авраам».

Я говорю вам, что из этих камней Бог может воздвигнуть детей Аврааму. Секира уже при корне деревьев, и всякое дерево, не приносящее доброго плода, будет срублено и брошено в огонь. Теперь послушайте Луки, главы 3 и 7–9. Иоанн сказал толпе, вышедшей креститься у него: вы, змеиное отродье, кто предупредил вас бежать от грядущего гнева? Приносите плоды покаяния и не думайте, что вы можете сказать себе: « Наш отец — Авраам».

Я говорю вам, что из этих камней Бог может воздвигнуть детей Аврааму. Секира уже при корне деревьев, и всякое дерево, не приносящее доброго плода, будет срублено и брошено в огонь. В обоих случаях у вас есть Иоанн Креститель, я думаю, что я сказал «Иисус с Матфеем», но в обоих случаях Иоанн Креститель говорит с фарисеями, и обратите внимание, что если предположить, что английский перевод, который я только что прочитал, отражает греческий текст в обоих случаях. случаях, обратите внимание, что формулировки были идентичны не только в цитируемых словах, но даже в некоторых частях самого повествования.

Теперь, когда ученые прочитали что-то подобное, возникает вопрос: как нам это объяснить? Как мы объясним сходство между Матфеем, Марком и Лукой? Опять же, Иоанн очень отличается, но как нам объяснить эти различия, Матфей, Марк и Лука? Опять же, не потому, что они просто фиксируют одни и те же события и в одном и том же порядке порой, но формулировки практически

идентичны. Как это объяснить? Что ж, большинство исследователей Нового Завета пытались объяснить это из-за какой-то связи, например, одно из объяснений состоит в том, что Матфей, Марк и Лука, вероятно, имели доступ к одному и тому же источнику, или к одной и той же, возможно, даже устной традиции. То есть все трое полагаются на одну и ту же информацию, которая была им передана.

Это одна из возможностей. Однако тот факт, что эти формулировки настолько близки, побудил ученых предположить литературную связь между ними. Иногда несколько сессий назад мы говорили о фундаментальном взгляде на вдохновение.

Кто-то скажет, что все трое пишут одинаково потому, что вдохновлены. Проблема в том, что это не объясняет некоторых различий, которые можно обнаружить между Матфеем, Марком и Лукой. Так как же нам это объяснить? Самая популярная точка зрения – это точка зрения, критичная к источнику.

То есть один из синоптиков, Матфей, Марк или Лука, служил источником для двух других. То есть два евангелиста заимствуют у другого. И это породило ряд теорий, которые я не собираюсь вдаваться в подробности.

Но очень популярным на раннем этапе, который до сих пор, я думаю, восходит к Августину, и некоторые до сих пор утверждают, что Матфей был написан первым. И то, что Лука и Марк затем заимствовали у Матфея, использовали Матфея в качестве своего источника. Очевидно, что особенно у Луки есть много материала, которого нет у Матфея, а у Марка есть немного материала, которого нет у Матфея.

И у Луки есть много материала, которого вы не найдете у Марка. Итак, очевидно, что Люк добавил информацию. Если вы вернетесь к главам 1, 1–4, где ему известны свидетельства очевидцев и другие документы, Лука, очевидно, включает в себя часть своего собственного материала, которого нет у Матфея или Марка.

Но это было очень распространенное объяснение. Матфей написал первым, Марк и Лука использовали Матфея. Были и другие теории.

Но на чем я хочу вкратце сосредоточиться, так это на наиболее распространенном объяснении, которого, вероятно, придерживаются большинство исследователей и исследователей Нового Завета, — это то, что известно как приоритет Марка. То есть Евангелие от Марка было бы первым написанным, и Матфей и Лука использовали бы Марка независимо друг от друга. Таким образом, мы не должны представлять себе, как Матфей и Лука сидят вместе и оба используют Марка, но независимо друг от друга у Матфея и Луки была бы копия Марка, и они использовали бы это Евангелие как основу для своего собственного.

Опять же, вы найдете у Матфея и Луки много информации, которой нет у Марка. У Матфея есть много притч, которых нет нигде у Марка. У Луки есть множество притч, которых нет у Марка или Матфея.

И у Матфея, и у Луки есть Нагорная проповедь. Вы не найдете этого нигде у Марка. Таким образом, теория состоит в том, что Матфей и Лука оба используют Марка, но также включают и другие материалы, которые, по мнению Луки, могли быть взяты из других письменных документов и источников, а также, вероятно, получены из показаний очевидцев.

И если автором Матфея является Матфей, ученик Иисуса, то, несомненно, Матфей сам видел бы многие из этих событий и сам был их свидетелем. Таким образом, большинство согласны с тем, что Марк был написан первым, а Матфей и Лука использовали бы Марка. Несколько причин для этого: если вы сравните эти три текста, то большая часть Евангелия от Марка, почти все, встречается и у Матфея, и у Луки.

А если предположить, что Матфей был написан первым, то Марк в конечном итоге удалит из Матфея много материала, потому что Матфей немного длиннее и включает в себя гораздо больше материала. Итак, вы видите, что если Марк, если Матфей был написан первым, и Марк использовал Матфея или Луку, то он, должно быть, упустил много материала. Но если Марка написано первым, то вполне понятно, что большая часть Марка, не вся, но большая часть, будет взята из Матфея и Луки.

И это один из аргументов в пользу приоритета Марка. Еще пара аргументов заключается в том, что Матфей и Лука иногда кажутся более гладкими, чем Марк. Там, где Марк мог быть немного короче или грубее в грамматике или в том, как он записывает вещи, Матфей и Лука кажутся более гладкими, и можно предположить, что более вероятно, что Матфей и Лука сгладили бы места у Марка, которые они считали грубыми. .

Или иногда кажется, что Матфей и Лука могли бы быть более ясными с богословской точки зрения. То есть в некоторых областях, где Марк мог бы сказать что-то, что можно было бы неправильно понять с богословской точки зрения, относительно божественности Христа или чего-то в этом роде, личности Христа. Мэтью и Люк, похоже, сглаживают эту ситуацию.

Матфей и Лука почти никогда, когда они оба ссылаются на Марка или когда они оба параллельны Марку, они, кажется, никогда не отклоняются от этого или не отклоняются друг от друга в том, как они относятся к Марку. Итак, еще раз, моя цель состоит не в том, чтобы приводить аргументы, а просто продемонстрировать, почему некоторые ученые так думают, и который снова стал, вероятно, наиболее распространенным взглядом на отношения между Матфеем, Марком и Лукой, критичным к источникам взглядом, который считает Марка первоисточником. Марк был первым написанным Евангелием и послужил источником для Матфея и Луки.

Матфей и Лука тогда имели бы доступ к Марку и использовали бы большую часть Марка для создания своих собственных Евангелий. Опять же, они оба имели доступ к другим материалам и другим источникам через рассказы очевидцев. И снова, как гласит традиция, Евангелие от Матфея действительно было написано Матфеем, учеником Иисуса.

И еще один важный момент: названия, данные Евангелиям: Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, изначально не были частью документов. Позже они были добавлены Церковью в попытке определить, кто были авторами этих Евангелий. И если они надежны, а я думаю, что вы можете убедительно доказать это, если они надежны, тогда, опять же, Матфей, без сомнения, опирался бы на свой собственный опыт очевидца жизни Иисуса и учения Иисуса.

Но они, несомненно, имели бы доступ к другим материалам, которые они также включили бы. Еще одна интересная вещь, которую стоит сказать, просто чтобы дополнить картину, чтобы, увидев эту терминологию, вы знали, что она делает: вы часто обнаружите, что изучающие Новый Завет ссылаются на Q, источник Q. По сути, Q — это просто первая буква немецкого слова, обозначающего

источник, и это слово используется для описания и обозначения материала, который есть общего у Матфея и Луки, но которого вы не найдете у Марка.

Так, например, и у Матфея, и у Луки есть повествование о рождении Иисуса, но у Марка его нет нигде. Марк сразу переходит к Иоанну Крестителю и раннему служению Иисуса. Но и Матфей, и Лука рассказывают о рождении и раннем детстве Христа.

У Луки немного больше, чем у Матфея, о самом раннем детстве Иисуса. И у Матфея, и у Луки есть отчет о Нагорной проповеди. Марк нет.

А иногда этот материал снова очень близок по формулировке, так что многие исследователи Нового Завета думают, что Матфей и Лука также имели доступ к другому источнику, который они обозначили Q. Итак, Матфей и Лука используют Марка, но они также имели доступ, согласно этому просмотру в другой документ. Некоторые скажут, что это документ, другие скажут, что мы не знаем, был ли это документ или нет, но все же буква Q обозначает материал, который есть у Матфея и Луки, например, Нагорную проповедь, но вы не знаете. не нахожу у Марка. Таким образом, Q был бы более гипотетическим источником, к которому, по их мнению, имели доступ Мэтью и Люк.

Но, основываясь снова на всем этом, большинство могло бы сделать вывод, что первым написанным Евангелием было Марк, а затем Матфей и Лука использовали Марка, а также другие материалы, возможно, этот вопрос, чем бы он ни был, будь то конкретный документ или совокупность учений и информации. к которым и Матфей, и Лука имели доступ и затем использовали его в своем собственном учении. Опять же, иногда учёные проявляют немного изобретательности, предлагая сообщество, создавшее Q, и ситуацию, даже географическое расположение того, откуда оно могло произойти, а также

теологию Q и ситуацию, к которой оно обращалось, что своего рода нагромождает спекуляции на спекуляции. Мы даже не уверены, был ли Q настоящим документом или нет, так что иногда такого рода вещи могут принять необузданный характер или немного пойти наперекосяк.

Но синоптические евангелия, как я только что объяснил, по-видимому, были основной отправной точкой и точкой входа критики источников в Новый Завет. И это опять же из-за сходства синоптических евангелий, требующего объяснения, и большинство убеждено, что существует литературная связь. Один из них предоставил источник для остальных.

И опять же, общим является то, что Евангелие от Марка было написано первым и послужило источником для других Евангелий. Однако источниковедение фактически распространилось за пределы синоптических евангелий. Хотя иногда, когда читаешь трактовки Ветхого Завета, критику источников Нового Завета, может сложиться впечатление, что единственное место, где это может произойти, — это синоптические евангелия.

Я прочитал ряд статей по критике источников, в которых не говорится о критике источников за пределами синоптиков, Матфея, Марка и Луки. Но другие пошли более широко и предположили, что другие авторы Нового Завета могут полагаться на источники. Так, например, в посланиях Павла некоторые предполагают, что иногда он также может использовать ранее существовавшие источники или материалы.

Два наиболее выдающихся и известных примера, хотя и спорные, встречаются в двух посланиях Павла: одном к Колоссянам, а другом к Филиппийцам. Я прочитаю, возможно, более распространенный и более известный вариант из второй главы Послания к Филиппийцам. Но вторая глава Послания к

Филиппийцам, прямо в середине главы, содержит этот известный гимн Христа, где Павел говорит: « Который , будучи по самой природе Бога, не считал равенство с Богом чем-то, за что следует постичься, но сделал Себя ничем, приняв самую природу как раб, будучи сотворен по человеческому подобию и оказавшись в облике человека, он смирил себя и стал послушен даже смерти, даже смерти крестной.

Поэтому Бог превознес Его до высоты и дал Ему имя выше всякого имени, чтобы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено на небе, на земле и под землёй, и всякий язык исповедал, что Иисус Христос есть Господь. во славу Бога Отца. Интересно, что даже в английском переводе, который я смотрю, и не во всех английских переводах это делается, но английский перевод, который я смотрю, представляет эти стихи в своего рода поэтической форме, в стихотворной форме. И некоторые, возможно, отражают тот факт, что некоторые думают, что Павел, возможно, цитирует уже существующий гимн.

Сейчас идут споры, некоторые убеждены, что нет, Павел написал это сам, но другие думают, что он, возможно, заимствовал гимн, который уже циркулировал и использовался в ранней церкви. Другой текст, другой классический текст, это послания к Колоссянам с 1-й по 20-ю, которые я сейчас читать не буду, но это другой хорошо известный гимн Христа, который, как полагают некоторые, может быть ранним гимном, который цитирует сам Павел. Опять же, тот, который использовался церковью и распространялся в ранней церкви, а теперь Павел использует его как источник для своего собственного сочинения.

Опять же, трудно сказать, и ученые спорят, действительно ли это так. Другой возможный источник, еще один пример возможного критического вопроса об источнике в Новом Завете — это отношения между 2-м посланием Петра и

Иудой. Когда читаешь 2-е послание Петра и Иуды, становится ясно, что они содержат очень похожий материал, почти в той же степени, в какой сходны Матфей, Марк и Лука как по порядку и содержанию, так и по формулировке.

Итак, были споры о том, какова может быть связь, например, между 2-м посланием Петра и Иудой. Одна из распространенных теорий состоит в том, что сначала была написана книга «Иуда», а затем автор 2-го послания Петра использовал материал «Иуды» в своем собственном сочинении, но также включил и другие материалы. Опять же, большинство думает, что это потому, что большая часть Иуды включена и рассмотрена во 2 Петра, поэтому они думают, что более вероятно, что 2 Петра будет использовать Иуду и включать почти все это, чем Иуда будет использовать 2 Петра и оставить много этого из.

Таким образом, источниковедение выходит за рамки просто синоптики, но другие ученые исследовали возможность существования письменных источников, источников, стоящих за другими частями текста Нового Завета. Последний пример в Новом Завете, который может быть плодотворным для критики источников, поскольку он способен раскрыть интерпретационную способность, - это, я думаю, один из самых трудных отрывков в Новом Завете, и моя цель, опять же, не состоит в том, чтобы попытаться решить его. или дайте подробное объяснение, но известный отрывок в 1 Петра 3 главе, самый конец 3 главы, начиная со стиха 18, в нем лишь немногие люди, всего восемь человек, спаслись через воду. И на этом я останавлиюсь, но этот отрывок заставил многих исследователей Нового Завета рвать на себе волосы, пытаюсь объяснить, что происходит и что именно делает Христос.

Одно из объяснений, которое было дано, состоит в том, что автор Первого послания Петра опирается на эту историю, апокалиптические произведения, такие апокалиптические произведения, как Откровение и Книга Даниила, но в

частности одно апокалиптическое произведение, которое, кажется, было хорошо известно, хотя оно не включено в Священное Писание. , опять же апокалиптическое произведение, являющееся визионером, повествовательное повествование о чьем-то видении, кто-то возносится на небеса и видит небесные видения и предсказания будущего и т. д., на весьма символическом языке. Одним из хорошо известных апокалипсисов, которого нет ни в Ветхом, ни в Новом Завете, была книга 1 Еноха, а в литературе Еноха вы найдете ряд ссылок на историю 6-й главы Бытия, историю потопа, которая начинается с описания сыны человеческие приходят и живут вместе с дочерьми человеческими, сыны Божьи приходят и живут вместе с дочерьми человеческими. В 1 Еноха это понимается как ссылка на ангельских существ, которые оставили свое место власти, и теперь они изображены так, что из-за того, что ангельские существа сделали в 6-й главе Бытия, во дни Ноя, они теперь изображаются как заключенный во тьме и ожидающий Судного дня.

И некоторые предполагают, что это является источником или фоном того, что мы читаем в этом тексте, который я прочитал из 3-й главы 1-го послания Петра, а некоторые полагают, что у Петра был доступ к 1-му посланию Еноха, его повествованию и его интерпретации истории из 6-й главы Бытия. С точки зрения интерпретации , это означает, что нам не придется слишком беспокоиться о том, что буквально происходит в этом тексте и где все эти вещи происходят, но, согласно этому объяснению, Петр, возможно, просто опирается на распространенный апокалиптический рассказ или история, призванная продемонстрировать победу Иисуса над силами зла. Опять же, моя цель состоит не в том, чтобы вынести суждение по поводу этой интерпретации на данном этапе, а просто в том, чтобы привести пример того, как критика источников может повлиять на то, как человек читает текст, и продемонстрировать, как критика источников, даже в Новом Завете, варьируется за пределами только синоптических Евангелий. И снова два наблюдения в качестве оценки.

Одна из опасностей, которую я уже упоминал, номер один, я считаю, что одна из опасностей источниковедческой критики, по крайней мере, то, как ее используют некоторые интерпретаторы, заключается в том, что иногда подход может быть спекулятивным, особенно когда у нас нет доступного источника. особенно когда мы пытаемся его реконструировать. Возможно, это немного проще в таких произведениях, как синоптические Евангелия, хотя даже там мы должны быть осторожны, чтобы не придавать слишком большого значения какой-либо теории взаимоотношений, но представляется очевидным, что одно из Евангелий служило источником для другой. Но с другой стороны, иногда, когда у нас нет источника, иногда может быть спекулятивным предположить, что автор использовал источник и внес то или иное изменение, или даже вдаваться в подробности относительно того, где это произошло. источник мог прийти, дата, обстановка, теология этого источника.

И это связано с моим вторым наблюдением. В конце концов, нам все равно придется иметь дело с текстом в том виде, в котором он есть. Даже если бы авторы Нового Завета и Ветхого Завета полагались на предыдущие источники, какими бы они ни были, и хотя понимание и реконструкция этих источников могли бы помочь нам понять, что происходит, например, я думаю, что первый текст Петра 3 является хорошим примером что в то же время нам еще предстоит разобраться с окончательным текстом.

Автор взял эти источники и облек их в форму текста, чтобы передать свои цели. Теперь мы переходим к другой критике, о которой я уже упоминал, а именно критике редактирования, которая начнет больше фокусироваться на конечном продукте и тексте, а также на том, что сделал автор при его составлении. Поэтому иногда критика источников может оказаться большим подспорьем в

определении источников, которые, возможно, внесли свой вклад в собственное сочинение автора, и в понимании того, как автор их использовал.

Но, с другой стороны, мы должны избегать спекуляций и в конечном итоге должны сосредоточиться на тексте в его нынешнем виде. Итак, критика источников исторически, особенно в исследованиях Нового Завета, но исторически и логически критика источников затем как бы уступила место или уступила место появлению другой формы критики, известной как критика формы. По сути, критика формы — это, как и критика источников, попытка, хотя бы частично, обойти письменный документ Нового и Ветхого Завета, восстановить, раскрыть отдельные формы, особенно устные, дошедшие до окончательного варианта. состав.

Итак, критика формы часто делает то, что она смотрит на документы, изолирует формы и пытается проследить их устную историю. Как, где возникла эта форма? Рассматривание отдельных единиц текста, отдельных форм. Учитывая то, что я нахожу, могу ли я определить обстановку этой формы и то, как эта форма развивалась, что теперь приводит к тому, что я нахожу в текстах Ветхого и Нового Завета.

Итак, вы можете видеть, что критика формы часто имеет разные аспекты. Он может изучать отдельные формы в тексте, отдельные единицы и их форму, их форму и их функцию, но он также может изучать первоначальное окружение этой формы, ее устную традицию и ее развитие вплоть до того времени, когда она была включена в текст. текст. Вот почему я говорю, что критика формы также в некотором смысле является историческим усилием, поскольку она часто пытается раскрыть устный период передачи формы вплоть до того момента, когда она была включена в письменный текст.

Однако, как мы увидим, вероятно, наиболее плодотворным аспектом критики формы, я думаю, является изолирование, не изолирование, а выявление отдельных единиц и форм в тексте, а также того, что они из себя представляют, как они функционируют и как они действуют. изменить интерпретацию. Но позвольте мне еще раз привести вам несколько примеров из Ветхого и Нового Завета относительно критики формы и того, как она может работать. И опять же, моя цель не всегда состоит в том, чтобы предложить мне согласиться с этими примерами или дать им оценку, а просто продемонстрировать, как может работать критика источника или критика формы.

В Ветхом Завете критика форм наиболее заметно развилась в псалмах, где исследователь-журналист по имени Герман Гункель смог идентифицировать определенные формы псалмов, классифицировать их и обсудить их обстановку, их функции и тому подобное. Один из распространенных подходов к формированию критики в Ветхом Завете, и на самом деле существует ряд интересных и порой полезных комментариев, называемых «Формы ветхозаветной литературы», которые следуют подходу определения четырех особенностей формы. То есть, глядя на структуру формы, как она сложена и как она структурирована, потом глядя на жанр, что это за маркировка формы, с чем мы имеем дело, что это за форма? Затем, глядя на возможную настройку формы, какая настройка могла бы привести к появлению такой формы? И мы приведем пример через минуту.

И затем намерение, какова функция или цель этой формы? Что он пытается сделать? Например, позвольте мне привести вам пример из распространенной формы, которую мы используем в Соединенных Штатах, и я уверен, что это справедливо и в других местах, а именно список покупок. Глядя на эти четыре функции, если я возьму список покупок, вы заметите его структуру: список покупок имеет уникальную структуру. Он не включает повествование и

пояснения, обычно это просто список элементов, которые опять же могут иметь очень ограниченное объяснение, но это просто список элементов с очень небольшим количеством грамматики или, опять же, без прозы или повествования, а просто простой список на раз очень длинные предметы.

Жанром такой структуры будет список покупок, который будет меткой, меткой жанра, которую мы даем такой форме, которая просто дает список товаров, которые можно купить в продуктовом магазине, особенно продуктов питания. Третье, обстановка, обстановка продуктового магазина. Когда я иду в продуктовый магазин, я создаю список, и поэтому местом действия является поездка в продуктовый магазин, чтобы купить продукты на предстоящую неделю, месяц или что-то еще.

И, наконец, цель состоит в том, чтобы просто напомнить мне, что купить, когда я приду в магазин. Подобным же образом формы можно так трактовать или так рассматривать даже в Ветхом Новом Завете. Так, например, для псалмов нет ничего нового в том, что существуют разные типы псалмов.

Даже на самом базовом уровне вы узнаете, что существуют псалмы хвалы, псалмы плача и т. д. и т. п. Это очень распространенный псалом, и все эти псалмы возникают в богослужении народа Израиля и использовались в различные настройки. Очень распространенный псалом – плач, псалом плача.

У него очень общая структура, у большинства из них общая структура, начиная номер один с обращения к Богу. Во-вторых, это сама жалоба, которая, по сути, представляет собой описание того, насколько плохи дела или стали. Затем номер три: выражение уверенности псалмопевца.

Номер четвертый: петиция. А затем пять, часто заканчивающиеся обетом, в котором псалмопевец обещает Богу ответить на его молитву. Еще один интересный тип псалмов – это так называемые вступительные псалмы.

Пример этого есть в 15-й главе Псалма. Хотя, опять же, их несколько, я думаю, что 15-я глава Псалма представляет собой интересный пример псалма для вступающих. Начинается, Господи, кто может обитать в Твоем святилище? Кто может жить на Твоей святой горе? Тот, чье поведение непорочно и кто поступает праведно, кто говорит истину от всего сердца, у кого нет клеветы на языке, кто не делает ближнему ничего плохого и не порочит ближнего своего, кто презирает подлого человека, но почитает его кто боится Господа, кто хранит клятву, даже когда больно, кто дает займы деньги свои без ростовщичества и не принимает невесты против невинного.

Тот, кто делает это, никогда не будет поколеблен. Обратите внимание, как построен этот псалом. Он начинается с вопроса поклоняющегося под номером один: Господь, кто может обитать в Твоем святилище? Кто может жить на твоём святом холме? И далее остальная часть псалма со второго по пятый представляет собой ответ на этот вопрос в виде условий входа во святилище и входа на святую гору Божию.

Обстановкой для этого может быть фактическое прибытие в храм верующих, пришедших поклониться Богу. Таким образом, намерение состояло бы в том, чтобы оговорить требования к тем, кто будет приближаться к храму для участия в богослужении. Другая распространенная форма, выходящая за рамки псалмов, но особенно в пророческой литературе, — это так называемое ветхозаветное повествование о призыве, которое вы особенно часто встречаете в начале некоторых пророков.

Но в первых главах Исхода из жизни Моисея есть еще один интригующий пример. Повествование о пророческом призыве, по сути, представляло собой рассказ о том, как Бог являлся и противостоял отдельному человеку в истории Израиля, пророку или кому-то вроде Моисея, и поручал им и призывал их к служению. И это приобрело интересный характер, и, когда вы начинаете сравнивать рассказы о звонках, кажется, существует общая структура.

Вы найдете его в шестой главе Исаии. Еще один вы найдете в первой и третьей главах Иезекииля. Вы также найдете, как я только что упомянул, одно и в первых трех главах книги Исход, где Бог является людям, призывает и поручает их для служения.

Итак, структура ветхозаветного повествования о призыве, по-видимому, включала большую часть всего или большую часть из следующего. Во-первых, конфронтация с Богом, когда Бог противостоит и Бог является человеку. Вторым будет поручение Бога, когда Бог фактически поручает или призывает пророка или человека для определенной деятельности или определенного служения, за которым следует номер три, возражение пророка.

Итак, ты помнишь Исайю, горе мне, я человек с нечистыми устами. Еще более подробно в рассказе об Исходе говорится, что когда Бог поручает Моисею, он выдвигает ряд ответов, ряд возражений, а не одно. Затем за возражениями следует заверение Бога номер четыре, которое преодолевает возражение.

И вот номер пять: дан знак. И особенно призыв Моисея в Исходе с первого по третий включает в себя все это. Что интересно, это предполагает, что поручение Моисея — это поручение пророка.

Моисея рассматривают как пророка, которого теперь призвал и поручил Бог. Тогда, возможно, это будет древнее требование к посланникам предъявлять свои полномочия. И тогда целью повествования о пророческом призыве будет подтверждение подлинности пророческого послания и деятельности.

Итак, все, что делает и говорит Моисей, все, что делает или говорит Исаия, или все, что делает Иезекииль, теперь получает подтверждение или теперь получает подлинность, потому что оно восходит к повествованию о призыве, поручению Бога. Итак, это примеры того, как критика формы может работать в ряде текстов Ветхого Завета, определяя отдельные формы и рассматривая их структуру, каков жанр формы, какова может быть их обстановка, обстановка, которая могла дать начало такие формы, и тогда функция или намерение этих форм может быть проясняющим, когда мы смотрим на библейский текст и пытаемся понять его. В Новом Завете критика формы, кажется, развивалась несколько иначе, чем в Ветхом Завете.

Но и форма критики в Новом Завете обычно была связанной, она имела три грани. А формальная критика в Новом Завете, как и источниковедение, развивалась, прежде всего, в Евангелиях, особенно в синоптических Евангелиях от Матфея, Марка и Луки. А критика формы часто была более тесно связана с вопросами историчности, историчности Евангелий, историчности высказываний Иисуса и того, что он делал.

Но в Евангелиях критика формы включала в себя, особенно в ее начале, три различных аспекта. Во-первых, критика форм сосредоточивалась на формах, отдельных формах, которые можно найти в Евангелиях, и затем ученые давали обозначения различным формам, например, они создавали такие ярлыки, как история высказывания, история, рассказанная о чем-то, что сделал Иисус. или сказано, что достигает кульминации в поговорке или высказывании, или в

рассказах о чудесах, или в высказываниях Иисуса, или в пророчествах, или в пословицах, или в беседах. Все это были типичные обозначения различных форм, встречающихся в Евангелиях.

Итак, первый этап критики формы заключался в том, чтобы найти, идентифицировать и обозначить различные формы, встречающиеся в Евангелиях. Например, в Евангелии от Марка, главе 2 Марка и стихах с 15 по 17, я думаю, это именно тот текст, который мне нужен, глава 2 Евангелия от Матфея, глава 15–17. Пока Иисус обедал в доме Левия, многие сборщики налогов и грешники ели с он и ученики его, и ученики его, ибо было много последователей его.

Когда учителя закона, фарисеи, увидели, что он ест с грешниками и мытарями, они спросили учеников его, почему он ест с мытарями и грешниками? Услышав это, Иисус сказал им: не здоровым нужен врач, а больным. Я пришел призвать не праведников, а грешников. Ученые обычно классифицируют это как пример истории-провозглашения.

Обратите внимание на эту короткую историю, которая заканчивается высказыванием или высказыванием Иисуса, и обычно в этой форме основное внимание затем уделяется высказыванию, которое завершает историю. Итак, первая цель критики форм в Новом Завете, особенно в Евангелиях, заключалась в том, чтобы идентифицировать и обозначить различные формы. Второй особенностью критики формы было определение *Sitz im Leben*, немецкого термина, означающего жизненную обстановку.

То есть обстановка, породившая форму, а обычно обстановка была чем-то из жизни ранней церкви. Какое событие или какая ситуация в жизни ранней церкви породила бы эту форму, создала бы эту форму? Предполагается, что эта

форма была для чего-то полезна. Предполагается, что авторы не просто писали голую историю, но формы демонстрировали, что эта литература была полезна для чего-то в жизни ранней церкви.

Таким образом, была предпринята попытка не только определить и обозначить форму, но и определить обстановку, что-то из жизни ранней церкви. Это поклонение, будь то конфликт с лжеучением, или с иудаизмом, или с чем-то, что какое-то установление в церкви, учение церкви породило эту форму. И, наконец, третьим элементом формальной критики была история передачи.

То есть устный этап. Эта форма, опять же, должна была дать начало, возникла в какой-то обстановке ранней церкви, но затем передавалась устно до тех пор, пока она не была включена в библейский текст. Итак, формальная критика изучает эту устную стадию.

Она изучает происходящие изменения, развитие этой формы вплоть до включения в библейский текст. Прослеживается передача этих форм. Вероятно, из этих трех, для библейской интерпретации и герменевтики, наиболее плодотворной из этих трех, я думаю, была способность номер один - способность идентифицировать форму и не просто маркировать ее ради маркировки, но и идентифицировать форму. таким образом, чтобы это было полезно для интерпретации и понимания библейского текста.

Например, если я идентифицирую что-то как историю-высказывание, фокус моей интерпретации будет на кульминационном высказывании. Это будет своего рода кульминация основной мысли. Еще один интересный аспект определения форм и критики форм заключается в том, что они помогают нам понять смысл больших разделов библейского текста.

Например, в 8-й и 9-й главах Матфея, 8-й и 9-й главах Евангелия от Матфея это кажется пространным разделом, который расположен не столько хронологически в соответствии с порядком, в котором происходят события, но главы 8 и 9 кажутся упорядоченными. основаны на общей форме – чудесных историях. Вся 8-я и 9-я главы Евангелия от Матфея представляют собой просто серию чудесных историй, поэтому критика формы, кажется, дает объяснение тому, как были расположены 8-я и 9-я главы Евангелия от Матфея. На следующем занятии я хочу продолжить обсуждение и поговорить о критике формы.

Вкратце, мы подведем итоги и рассмотрим пример из притч и Евангелий, а также то, как критика формы может помочь нам понять, как функционируют притчи и как мы можем их читать. Затем мы перейдем к третьей форме критики в виде этой исторически и логически сложившейся триады — к редакционной критике.